DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.1

Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен

© В. В. Ильин

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.

Email: vvilin@yandex.ru

Переживаемая человечеством катастрофа расценивается как проникающее трагическое явление, вызванное взаимоусилением общесоциального и философского кризисов. Содержание первого – провал техноцентристских технологий; содержание второго – обвал рациоцентристских апологий жизнеорганизации. Сложившаяся ситуация влечет ревизию эксплуатируемой философией доктрины положения человека в мире. Предлагается проект нового типа ценностноориентированной всечеловеческой метафизики, посредством универсализации роли Wertswelt, подчиняющей себе реализуемые морфогенетические процессы. Оперативное наполнение проекта – согласование деятельности с конструктивными принципами созидания неорганического, органического, надорганического универсумов по типологичным законам красоты.

Ключевые слова: кризис, рациональность, homo aestimator, Wertswelt.

Ни человечество, ни философию кризисными потрясениями, натурально, не испугать: и кризис, и лизис – стандартные стадии объективной периодики, отличающей динамику сложноорганизованных многокомпонентных систем. Ход развития последних детерминирован пульсациями, влияющих на них факторов, порядок чередований которых в промежутках времени обособливает внутренне связанные моменты, предобуславливающие потенциальные модификации тока процессов, характер определяемых ими свойств. Удостоверительно просматриваются последовательности, – обращающиеся принципы восстановления взаимосменяемых превращений одних агрегатных состояний в другие.

Цикличность – общее место развертывания полифундаментальных явлений, автономизирующее причинно сцепленные самодостаточные части в составе целого.

Специфическое отличие циклики общечеловеческого прогресса и рефлексивно отображающего ее существо философской мысли – отсутствие закона порядка взаимосменяемости фаз: правило фазовости выполняется, но вне четко фиксируемого – устанавливающего интенсивность, продолжительность амплитуды воспроизведения черт изменений – номологического основания. Факт фазовости превращений – переходов (первого рода) идентифицируется эмпирически; в потенциале фазового анализа радикализуются методы качественной оценки природы (параметров) идущего на смену один другому объектного антуража.

Элементы рядов человеческих и философских кризисов не сопряженны, лишены признаков союзности по причине разноплановости interna corporis. Общечеловеческие кризисы – фронтальные коренные ломки стратегий миропреобразования; общеполитические кризисы – радикальные сбои стратегий миропонимания. Провалы в одном не синхронизированы с обвалами в другом; – кризис рабовладения не провоцировал кризиса философии эпохи рабовладения; сходно мировоззренческий кризис в античности, вызванный обнаружением несоизмеримых

(не обладающих общей мерой) величин, а значит, бессущностных (не выражаемых рациональными числами) сущностей, не провоцировал общесоциального кризиса древнегреческого общества.

Не отменяет тезиса гуссерлевская потуга истолковать социальный кризис европейской части цивилизационной ойкумены первой трети XX в. дериватом духовного кризиса. Справедливо: в философском сообществе данного отрезка времени имели некую популярность кантианские, позитивистские взгляды, деформировавшие поисковую, профессиональную деятельность неадекватным субъективизмом, скептицизмом, нигилизмом, релятивизмом, инструментализмом. Однако, во-первых, они (взгляды, навеваемые ими тенденции) не были всепоглощающими; во-вторых, в полной мере разлагающими крепкий опыт жизнеподдержания, выверенной пролонгации вершения истории на началах не сомнительных умозрений, но высоко адаптивной практики.

Сказанное дезавуирует линию Гуссерля совместно с предлагаемой диагностикой причин вирулентности ситуации европейского человечества указанного периода, разрабатываемой спасительной терапией; – контаминация в одном оборачивается дезориентацией в другом: неверное определение существа болезни, истоков состояния болезнетворности исключает разработку вменяемой программы их профилактики и лечения (тем более в терминах насквозь субъективистской трансцендентальной феноменологии).

Непиквикский смысл многострадальности нашего времени – неведомые прошлым временам совместность, взаимоусиливаемость общесоциального и общеполитического кризиса, логику направленного разворачивания которого позволительно уяснить блоком нескольких «сильных» мыслей.

1. В стремлении жить только так, чтобы предъявлять «безмерные требования к жизни» (Блок), человечество вступило на путь природорасхищения: погрязая в обустройстве антропосферы, род Ното сугубо занялся оборудованием враждебной природе комфортной контрприроды, тем самым подорвал собственные генеалогические корни. Возникли антагонизмы внешнего (а) и внутреннего (в) плана: а) – нересприцированность природы – культуры: естественной – искусственной среды обитания; в) – аутентичные дисбалансы, дисфункции, диспропорции налаженного жизневоспроизводственного постава.

2. Совершенство-несовершенство действительности светская досовременная философия семантизировала в фигурах возможностей человечества – универсального мирозидателя, демиурга-архитектора, тотального творца сущего, подчиняющего креацию *recta ratio* – его удивительным способностям целеозначивать «выпуск» мира расчисляемым «рациональным» понятием потребного. Единство мира искали и, казалось, находили там, где его не было и быть не могло – в недрах (как выяснилось, – тенетах) калькулируемой расчетности. Пилюля рациональности глоталась без разжевывания – тщательного критико-аналитического согласования качества ближайших целей с качеством вызываемых их воплощением удаленных эффектов. Плачевный итог – паушальное обесценение деятельности, – разобщение гипотетической и категорической императивности поведения, наводнение его небезобидными условностями, сложносочиненными некомпенсируемыми стратегиями (выполненная в отрешенном залого *de dicto* универсальная парадигма профицитности жизнеобеспечения). Утвердилась картина *exitus acta non probat*: мир вступил в полосу ресурсно истощенного, конфликтного, турбулентного существования [9–12].

3. Цель истории, полагал Августин, реализуется не в юдоли земной, но в царствие небесном – не от мира сего – в граде Божьем. Высший помысел войти в него в жизни вечной заменился мечтой создать обитель новую в граде земном – жизни бренной. Разверзлось поднятие, как оказалось, далеко не счастливой нови. Мир сомкнулся, стал тщетным – человеко-образным. Объективная пружина самораскрытия сущего – глобальный эволюционизм вытеснился суррогатным рукотворящим орудием – универсальным конструктивизмом [6] с его подручным – калькулирующим техногнозисом.

Созидание антропного мегарельефа по лекалам последнего возымело единственный, впрочем, ожидаемый исход – оформление существовательного неудобья.

4. С грустной иронией констатируем: в *theatrum mundi* за 2.5 тысячи лет функционирования цивилизации было все. Кроме замены теодицеи – богооправдания вследствие несовершенности мироустройства «по образу и подобию» антропоидеей – человекооправданием вследствие ущербности мироустройства по рационально-расчетному самочинию. Тут мы дошли до заветной точки: учитывая функциональные метаморфозы, философия из знания тотальности сущего выродилась в знание сущей тотальности: погрязла в обслуживании интересов подчиненного частичным поставляющим иллюзиям человека в подавляющих обстоятельствах.

5. *Respite finem*: поглощаясь сюжетом «выживание» сапиента в неудобном мире, философия перестала играть свою исконную роль духоподъемной, идеалонесущей метафизики. Масла в огонь подлила пандемия: на фоне неактуальности текущего освоения объемных тематических пластов, связанных с уяснением родовой перспективы; смысла, назначения истории; телеологии мирового процесса и т.п., философия содержательно обмельчала – утратила способность версификации непреходящего, вечного.

Manus manum fricat.

Кризис человечности как невозможность всекосмической силы, высшей сферы мироздания обеспечить практическое совершенство совокупного сущего индуцировал философский кризис как невозможность всекосмической, высшей интеллектуальной силы обеспечить мыслительную сценографию совершенности совокупного сущего.

Мы оказались в неприглядной ситуации не локального кризиса жизни, не локального кризиса рациональности, но тотального кризиса рационализированной жизни, – кризиса антропоцентричного расчисления, техногенного постава; кризиса универсальной креативной цивилизационной силы – рационального конструктивизма с фронтальной проблематизацией родового призвания и отсутствием надлежащей философской программы ее снятия. Небывалое дело! Невероятно, но факт! Впервые в истории мира философия не дает жизненного руководства попавшему в беду человечеству.

Решение острых объемных вопросов крепится на выработке взвешенных методологических (метатеоретических) решений; наш случай взыскует капитальных доктринальных поворотов-сдвигов.

Антропный принцип (АП). Реализацию концептуального антропоцентризма в современном знании осуществляет АП (в консолидированной редакции), вводящий корреляцию эволюции Вселенной с утверждением сапиента. Эксплуатация соображения привилегированности сознательно-социальной человечности в мировом порядке, упрочение которой в нашем космическом локале жестко детерминирует объективные кондиции его естественного происхождения, проводит престабилизацию казуса «разумно организованной жизни».

Не оспаривая позитивности, эвристичности расширения платформы каузализма введением реверсивных целевых связей, будирующих трактовку причинных цепей в терминах не основания ($P(x) \rightarrow Q(x)$), но мотива ($P(x) \leftarrow Q(x)$) [7], обратим внимание на онтологическую ущербность оправдывающих применение АП скрытых допущений.

а) Тезис знания-понимания сути жизни. Это не соответствует действительности ввиду неприменимости стандартной предикации «жизни» для промежуточных, переходных форм типа вирусов, фагов, не говоря о роли «мусорного» ДНК в геноме человека.

б) Тезис «превосходности», «привилегированности» геоцентричных форм жизни не может быть полноценно обоснован ввиду предположения теоретико-множественной, метрической, топологической бесконечности-безграничности мира, потенциально способного породить экзотические не(сверх)социальные, не(сверх)сознательные, не(сверх)человеческие ее формы.

с) Тезис рациональности Ното – избирателен, утрирует важнейшее, однако же – в кругу важнейших – измерение многомерного человека, являющегося существом чувственным, сознательным, бессознательным (в единстве сверх-, подсознания).

д) Тезис предпочтительности разумадеятельности, разоблаченный Монтенем: «Люди не замечают естественного недуга, терзающего их разум: он все рыщет да ищет, колобродит, что-то строит и путается в собственных построениях, как шелковичные черви, и под конец задыхается в них. *Mus in pice*» [16, с. 13].

Обозначенное колеблет фундируемую АП платформу *cogito ergo mundus talis est*.

Трансцендентализм. Идейный абрис трансцендентологии наметил Августин, осуществивший двойной интеллектуальный маневр:

– по свойству приписал существование носителю свойства (принцип свертывания $\{x/\varphi_x\}$): *dubito ergo sum*;

– по противопоставлению души телу маргинализировал плоть, сепарировал физическое и психическое: *omne corpus figiendum est*.

Позицию Августина воспроизвел Декарт, введший *cogito ergo sum* (*ego cogito, ergo sum*) (впоследствии мультиплицировались дериваты: от *bibo ergo sum*; *edo ergo sum* (*edit ergo est*; *ego manduca et bibo ergo sum*); *rideo ergo sum*; до «я стыжусь», «меня тошнит» и другие характеристики «существования») и радикально разобщивший «психическое» и «физиологическое» (психо-физический параллелизм, дуализм Картезия-картезианцев).

Правомерность трансцендентального хода ставилась под подозрение Гоббсом, указывавшим на онтологическую бивалентность принципа *cogito*: мыслящая инстанция есть телесная организация, иначе говоря: *ego cogito ergo corpus est*, – мыслящее есть не только мышление; Фихте, предполагавшим свести августино-декартовское соображение к более основательным (едва не тавтологичным) *ego sum, qui sum*; *sum ergo sum*, где прибавка *cogitans* «совершенно излишня»; Шиллером, подчеркивавшим: «мы не потому существуем, что мыслим... нет, мы мыслим... потому, что существуем. Мы существуем потому, что существуем; мы... мыслим... потому что помимо нас существует еще нечто иное» [18, с. 284].

С высоты современной субстратной трактовки и понимания (при всей недостаточности знания взаимообусловленности «телесного-духовного») допущение автономии психического безотносительно соматическому в корне неадекватно. С многочисленными далеко идущими импликациями (от поисковой выверенности диспозиции «мыслящее есть телесно оформленное мышление»), главными в ряду которых оказываются

– бытие тела – предельная данность, сопоставимая по концептуальной значимости с данностью духа, (если угодно) Бога;

– не может быть ни логической, ни гносеологической приоритетности самосознания – рефлексивной интроспекции – в ответственном деле задания существования.

Скажем сильнее: нельзя допускать никакого самодостаточного механизма конституирования внутреннего содержания ментального опыта, не могущего ни сложиться, ни состояться вне освоения содержания внешнего (телесное в физическом смысле). Ни в части диахронического (гуссерлевское эпохе, пакет трансцендентальных редукций), ни в части синхронического (нет мыслительного без телесного (телесное в физиологическом смысле)) фундирования (опосредование одного другим дальновидный Августин производил «памятью»).

Как бы то ни было, презумптивный трансцендентализм *ad deliberandum* должен быть дополнен презумптивным соматизмом (органицизмом, витализмом, рациовитализмом).

Рациональность. Тип расчетной продуктивности через целепрограммирование результатов по калькуляции средств. Крепится на базовых диспозициях гармоничности, оптимальности, эффективности, сознательности, систематичности, планируемости получения конечных продуктов в противовес спорадичному, несогласованному, непреднамеренному их получению нетехнологичным случайным образом путем проб и ошибок. Ядро рациональности – интеллектообразность, аттестующая организацию экспектационного поведения, подчиненного преследованию четко поставленных целей. Отсюда – синтагматический ряд с характерным целеатрибутированием: целезаданность, целеоснащенность, целенаправленность, целеустремленность, целесообразность.

Рациональная деятельность: генерально – целезначима, целеопределенна; операционально – налажена по принципу минимакса: максимум результата с минимумом затрат; идеально – отвечает принципу полноты, совершенности: всесторонняя расчетность и расчетливость, предсказуемость, воспроизводимость, подконтрольность.

Во избежание логических несообразий – порочного круга, *regressus in infinitum*: рациональность конституируется рациональными основаниями рациональности; при понимании недостижимости, невыполнимости идеальных кондиций рациональности (всеобъемлемость расчисления фигур деятельности) практикуется контекстуализация – ситуативное приближение – аппроксимация, асимптотизация рационального применительно к случаям.

По видимости, оправданное мыслительное движение оборачивается бумерангом невосполнимых потерь: теория рациональности превращается в теорию рационализации; утрачивается универсальность философского рассмотрения: общечеловеческая «деятельность» неправомерно понижается до частного человеческого «действия». Место философии замещают десижонизм (со значительным привкусом конвенционализма, прагматизма моделирование принятия решения по аналитике, прогностике рисков, сведению балансов, просмотру активов-пассивов, учету облиго и т.д.), теории среднего уровня (типа теорий Вебера, Парсонса).

Указанную предметную, концептуальную подмену, снижение философских тонических профессиональных реакций никак, ничем нельзя признать оправданной. Квалификация получает дополнительное подкрепление оценкой «рационализации».

Рационализация. Ситуативная технологическая оптимизация предметных действий наращиванием гарантийности – предсказуемой упорядоченности. Подспудной мотивацией представительной широкоформатной тенденции выступает ограничение (в пределе – упразднение) хаоса в мироустроительном опыте, – налаживании человеко-природных, человеко-социальных, человеко-человеческих связей.

Обуздание «неразумия» мира, борьбу со стихией обслуживают изощренные способы силового преобразования действительности в лице индустриализма (кластер технологий природообработки) и политизма (кластер технологий обработки людьми друг друга). Органон рационализации, следовательно, – цивилизационный постав, зиждущийся на насилии естественной (природа) и искусственной (вторая природа – социум, культура) среды обитания.

Неотвратимость насилия предобусловлена объективно заданным сектором обзора: рациональность устанавливается отнесением к логике достижения утилитарного блага без вписания его в контур общеродовых ценностей. Отсюда – диссонансы: выигрыш в малом (разработка недр) – проигрыш в большом (подрыв биосферы). Отсюда и перекосы социальной эволюции в лице совокупной дегуманизации исторического процесса. И эпохальные кризисы ценностно (рационально) не ориентированного рационализирующего разума.

Обратим внимание лишь на капитальные провалы прогрессивной поступи «высшей» сферы мироздания по дорогам истории:

- Античность: кризис миропредставления;
- Ренессанс: кризис мироздания;
- Просвещение: кризис мироустройства;
- Современность: кризис миротворения.

Возбуждающая причина кризисов – ценностно невыверенный рационализирующий титанизм, – титанизм всезнания, всесоздания, всеустройства, всетворения, вышедший из-под опеки универсального базиса рациональности – мира человеческих ценностей – Wertswelt [1].

Впервые за бытность в сущем человечество столкнулось с всеохватной неспособностью обеспечить приемлемое (не говоря: восходящее, устойчивое) существование. Налицо обрушение выковываемых веками стратегий жизнеподдержания, связанных с нещадным потреблением (точнее, правильнее – истреблением) живого присутствия предметов. Как дрессированная белка, озабоченно барабанившая по клавишам, человечество автоматически (и методично) поставляет безумный, бездушный, бесчеловечный мир – мир техногенной машинерии, техногнозиса. Он-то – не склонная к сердечным откликам, не вызывающая ответных чувств, отчужденная, гуманитарно выхолощенная реальность как горизонт ближайшего собственного бытия человека в аутентичном ареале самореализации – является носителем патогенности.

Tetigisti acu – патогенность Umwelt – средоточия, скопища негодных мегатехнологий и мегаапологий – суть индуктор злокачественности человеческого саморазвития.

Что делать человеку в пучине бедствий? – размышлять; час испытаний – час размышлений. Изощреннейшим инструментом размышления была и есть философия; философия – суть воздвигание способности души к размышлению. Потому философии потребуются напрочь размышление, дабы выяснить: как так вышло, что причина деградации человечества – само человечество?

Опираясь на традиции размышления в снятии такого рода вопросов, оттолкнемся от известного: *causa causae est causa causati*.

Кризис человечества в переживаемые многострадальные дни – двоякий; это: кризис

– рациовоплотительных технологий – индустриальных (технизм, технологизм), социальных (урбанизм, институционализм), политических (в особенности в условиях пандемии – этатизм, патернализм, автократизм, тоталитаризм, дирижизм);

– рациопоглотительных алогий – сухой оправдательной логики инструментальной модернизации через администрирование, унификацию общественных, человеческих связей, – в

идеале – деиндивидуализацию, утрату гуманитарного, культурного разнообразия, дедемократизацию.

Кризис двойственный, однако же – однопрофильный. Ядро неполноценности нашей ситуации, подготовленной прошлым, но проявленной в настоящем – возвеличение, превознесение *ratio* – его утилизаторской насилующей миссии, открывшей перспективу инструментального постава, техногенного типа жизнеподдерживающей рациональности, переформатирующей существо мира под существо человека.

Декартовское «стать господами и владетелями» – метафизический апофеоз, вдохновение одического пафоса. Но не титанизма разумности, а деструктивизма неразумности замороженного громадьем собственных планов человека.

Настал момент высказаться а *potiori*.

Кризис конца XIX – первой трети XX в. – предгрозы, провозвестье будущего бурного ненастья, проникающего, наводящего ужас бедствия. Кризис прошлого века – продром серьезного недуга, именуемого рационализирующий эффективизм, сциентизм, техницизм (тейлоризм), стандартизация, конвейеризация (фордизм), вызывающего всеобесцвечивающую примитивизацию обмена деятельностью (что подчеркнул хоторнский эксперимент). Духовная реплика происходившему – прогрессирующий декаданс, развал высокой культуры, утверждение псевдоискусства в различных модификациях антихудожественности – на авансцене авангарда, модерна.

Кризис первой квинтили XXI в. – уже не преддверие бури, но сама буря, – доходящий до угнетенной подавленности, оцепенения страх. Страх беспомощности перед слепой грозной стихией. Какой? Во-первых, Молохом индустриализма, институционализма, техницизма – верных спутников инструментального разума. Во-вторых, моровым поветрием – инфекционной заразой.

В иную бытность панацеей избавления от напастей – перегибов, перекосов автопрогресса, ничем не сдерживаемых разрушительных природных, социальных сил – служила адресация к разуму, животворное компетентное включение которого избавляло от наката проблем. Так было с обузданием техногенных катастроф, нейтрализацией катаклизмов в неорганическом и органическом универсуме, смирением революций, укрощением вспышек массовых заболеваний.

Теперь – не то. Произошло пренеприятнейшее из неприятного. Развенчался идеал *ratio*, разрушилась вера в его всеустроительные способности. Текущее потрясение – повальная болезнь – болезнь разума, заразная, как коронавирус.

Означает ли сказанное переход на нигилистическое разумоотступничество? Никоим образом. Оно означает переход на позицию критики разума. Критики не как проповеди иррациональности, но как отповеди панрациональности. С фокусировкой: *respue, quod non est* (отбрось то, чем не являешься).

Намечаемая критика разума, следовательно, выполняется в терминах не апофатической, но катафатической идеологии – в терминах не разрушения разумодеятельности, но разрушения зарвавшейся разумодеятельности. Как говорил Сенека: *nemo regere potest, nisi qui et regi* (никто не может повелевать, не умея подчиняться).

Человек – сапиент, носитель разумности, которая есть дар божий, величайшее завоевание творческой эволюции. Последнее утрировала традиционная философия, допуская универсализацию неуниверсализируемого, – сводившая существо человечности к *ratio dux vitae* (разум – вожатый жизни, ее свет). На данном резоне, отмечалось, в знание внедрялся АП (уни-

версализация геокосмической роли человека, что по далеко не выясненному положению его во Вселенной далеко не выверено); развивался трансцендентализм (универсализация рефлектирующего его, что по полифундаментальной стати человека не обосновано); гиперболизировалась рационализация (универсализация техноцентристской расчетно-расчислимости средств достижения потребных эффектов, что по игнорировании родовых перспектив человечности не приемлемо).

В данных коротких, скорых, облегченных интеллектуальных движениях – непростительная, невосполнимая ошибка, связанная с утратой печати промысла в результате досадной подмены человеческой рациональности как родового отношения ее видовыми или даже персональными разновидностями.

Регулятивную насыщенность человеческого самоутверждения восстанавливает переход на родовую точку зрения.

Человек как самостийный агент действия – конечен, эфемерен. Но как ставленник совокупного человечества – бесконечен, неэфемерен. Встраивание в родовый проект наполняет лицо самоощущением исполнения «общего дела» – причастного миссии: с ответственной порученной ему ролью лицо представляет человечество.

В человеке столько человеческого, сколько всечеловеческого; прорастание родового в индивидуальное демонстрирует явный абсолютизм одного в отношении другого. Без лишних детализаций примем в расчет лишь следующее.

1. Человек – индуктор частных целей, человечество – общих и всех целей; только оно – необусловленный законодатель социально-исторической целесообразности.

2. Родовая организация – человечество – носитель всеобще-общезначимого (идеального), на объективацию которого направлены все цели; встроенность в родовую деятельность детерминирует согласование индивидуального действия с ней по целе-ценностным интенциям.

3. Согласование уникального (частно-эгоистического) с универсальным (обще-альтруистическим), погружение действия в деятельность тематизируется в языке не теодицеи, но антроподицеи – доктрины гуманитарного самостроения: разделяя, усваивая, присваивая общечеловеческие ценности, человек относится к сущему, себе, себе подобным через «мироотношение человечества». В последнем его существовательный капитал подчиняется самооценке «что из себя сам я сделал» [17, с. 41].

4. *Causa finalis* человеческого мира – сам человеческий мир, совокупное человечество, материализующее автономный целе-ценностный абсолютизм в императивах гуманитарного роста: приобщенный к общеродовым ценностным значимостям (*Wertswelt*) человек *per pedes apostolorum* заявляет автономное ценностное самостояние.

Итак, есть серьезные сугубые поводы пересмотра положения дел, сложившегося в современной культуре, ее самосознающем ядре – философии.

Этиология кризисных явлений, захвативших человечество в начале 20-х гг. XXI столетия, – однозначна: это – самоисчерпание, расстройство классической рациональности, навязываемой ею универсализации расчислимо-расчетного техноцентричного способа организации самоутверждения.

Констатация явления как факта бесспорна, но уточняема. Главное – в обход апокалиптики, финалистики – привести в соответствие дух времени, дух философии духу жизни. Величайшая забота, над которой бился еще Марк Аврелий, добивавшийся корреспонденции *temporalia* – *spiritualia*!

Выводя принципиальную мораль из происходящего, сойдемся на том, что востребуемая санация существования и (постигаемой философией) его сущности находится на пути

– всемерного поворота от рациовсеобщности к аксиовсеобщности, апологии Wertswelt как продуктивной нивы жизнестроения;

– возвращения философии черт *philosophia perennis* – она была и остается фундаментальной доктриной непреходящего, «ставного», вечного (вне тщедушных, скабрезных позитивистско-прагматистско-функционалистско-инструменталистских вивисекций) в родовой самореализации.

Через призму тезисов наполним новым содержанием выше охарактеризованные шиболеты традиционного миропонимания.

Антропоморфизм. Выделенное положение человека в мире определяется не гносеологическими, но аксиологическими диспозициями. Играя роль законодателя-породителя сущего, *ipso facto* своей креативности сапиент сообщает самосознанию доминанту «антропоморфизм» в специфической активистской редакции «универсальный конструктивизм».

Классика и неклассика крепились на подспудной презумпции сверхчеловеческой благодати в откровенном теологическом (божий промысел) или натуралистическом (естественный отбор) толковании. Неонеклассика, завязанная на тематизацию свободно действующего производителя, подобную презумпцию отклоняет. Ревизия охватывает все отсеки платформы гуманитарного самоопределения с центровкой инновационного морфогенеза как орудия выпуска (производства) посессивной реальности.

Апелляция к посессиву означает отказ от привычной сценографизации действительности в ключе субстанциализма-эссенциализма [8]. Мы оказываемся участниками более или менее свободного (намеренно-нарочитого) задания существования по формостроительной автономии в опоре на проективность.

Имеются ли унитарные начала творения нерукотворной и рукотворной материи? По-нашему, – имеются. И это – законы гармонии, симметрии, ладности, порядка, пропорциональности, – красоты. Красота в нерукотворной и рукотворной (естественной и искусственной) действительности – признак оптимальности, целесообразности, эффективности, правильности субстанциональной организации порожденных структур. Красота в первой и второй природе – показатель качественности формообразовательного процесса, выступающего гарантом совершенства продукта выхода.

Понимание сказанного капитально в отношении активизации моделей «природоподобие», «культуруподобие»:

– природоподобие – своеобразная космософия – теория порядка, строя конструируемого Umwelt по лекалам объективного telos – издателя морфогенетической процедуры [15];

– культуруподобие – своеобразная антропософия – теория гуманитарного аутопоэсиса как устроительного самоопределятеля на началах красоты, предобуславливающих посессивность бытия через открытость «подготовленной» свободы в явлениях.

Намечается магистраль разработки космодицеи как ветви антроподицеи с генеральным образом всерасширяющегося Umwelt (горизонт praxis), входящего в высокое соприкосновение с Sinnwelt, Lebenswelt, Wertswelt.

Трансцендентализм. Фундаментализация мыслеобразности – совершенно ясная, внятная гносеологическая позиция, центрирующая сугубо умственные интенции на концепционное моделирование, абстрактный универсализм, эссенциальность, номологию, нейтрализацию

зеркальности и т.п. в противовес выдвинутой Аристотелем наивно-реалистической, примитивно физикалистской установки, надстраивающейся над ультрадоморощенном, некритическим визуализмом [2]. Разрушая невыверенные традиции «предметной мысли», разводя условно значимые конструкции и объекты, отрицая выводимость «мира науки» из скопища визуальных протоколов, трансцендентализм закладывает основания адекватной доктрины знания – неадекватной доктрины жизни.

Поскольку достоинства-недостатки одной-другой хорошо известны [3], применительно к нашим сюжетам выскажемся обобщенно. Трансцендентализм не исполняет и не способен исполнить правомерную службу общеметодологической платформы по причине узости, содержательной худосочности, неполноты эксплуатируемого базового концепта «ментальность».

Ментальность многолика, конституируется, как теперь понятно, в т.ч. не мыслительными (классическое интроспективное ego) техниками.

Во-первых, есть нерационально мыслительные типы мыследеятельности [5], – язык чувств, тела, способы осмысления «другого» по его репрезентативным реакциям в коммуникации (что всецело дезавуирует декартовский гносеологический когитальный абсолютизм и методологический психо-физиологический параллелизм).

Во-вторых, есть иномыслительные практики миротификсации в опоре на некогитальные интуиции присутствия, восприятия собственной и несобственной телесности.

В-третьих, рационально-мыслительный ресурс фундирован неким совершенно капитальным (некогитальным) базисом – устоями жизненной (лингвокультурной) картины мира, позволяющими специфицировать коммуникативные стереотипы, национальные архетипы выражения сущего, – производящие разные прецедентные тексты – модификации ментальности. В ареале европейской культуры: англичане почитают «приватность»; немцы – «пунктуальность»; французы – «умение жить»; русские – «общинность» и т.д. [4, 13].

В-четвертых, есть богатейший опыт человеческих культур, выводящих «рационально-мыслительное» на периферию самоощущения. Таковы радикализации животелесности – интуиций дыхания (древнеиндийский психокосмос); растворение тела в потоке жизни (буддизм); вплетение тела в мировой процесс (китайская культурная традиция); фигуративности сцепки «тело-дух» (японская культурная традиция); гармонии (античная доктрина совершенности телесных форм); символичности (христианское отношение к телу как оболочке души) [14].

Получает оправдание, следовательно, ранее высказанная мысль о неправомерности декартова обоснования приоритетности мыслительного из универсализации принципа *cogito*; на тех же резонах с тем же успехом обосновывается самоочевидная приоритетность телесного (вариации кинестез – опыт тела), – принцип *corpus*.

Рационализм. Уповая на логизацию, техно-, социомеханизацию, рационализм безнадежно обедняет, разрушает участливую человечность. *Absit invidia*, но универсализация *ratio* означает

– гносеологически: наращивание условности, а значит, удаленности (в согласии с теорией корреспонденции не решаемся на «несоответственности») от действительности;

– антропологически: развал человекозначимости в прямом (конформизм) и переносном (лицо-маска как ролевая и гигиеническая подмена) смысле;

– политически: рафинированная тяга к выработке расчетно-расчисляемой человечности – граждан, избирателей, народа («молчаливого большинства», «людей») под фирмой

оптимального, эффективного управления влечет материализацию утопии Кампанеллы – не важно, в каких модуляциях – программы прогрессивных социальных преобразований (просветители); этатизм (Гегель); ничем не ограниченной в инициативах пролетарской диктатуры (Маркс – Троцкий – Ленин); милитантных сдерживающих технологий (линия современных либерально-рыночных демократий по организации локдаунов);

– экзистенциально: расчетность-расчислимость выветривает из живого общения момент естественности, – чувственность требует непосредственности; мыслительность – отстраненности;стройка эговзаимодействия в горизонты «разум – единственный оракул человека» (Аллен) выводит из контура доверительного, неумышленного, бескорыстного человеческого сношения.

Кризисность XIX–XX вв. Гуссерль истолковывал в терминах недостаточности рационализации жизни, выразившейся в обрушении научной, методологической, художественной культуры – всеевропейском творческом декадансе.

С позиций перспектив общечеловеческого развития – *error in re*.

Причина потрясений – не недостаток, а переизбыток жизнерационализации. Именно с таким фокусом мы столкнулись спустя сотню лет, попав в ситуацию не творческого декадана, а социально устроительного деграданса по наставительству *ratio*.

Император Марк Аврелий, вскрывая корни собственных великодержавных провалов, предавался философии. Лучшее занятие в постижении существа дела!

Кризисность XX–XXI вв. непредвзятая философия усматривает в блоке разрушительных антагонистических тенденций, являющихся следствием безопорной, безоглядной рационализации.

Здесь: простор терроризма, дефицитности, насилия, вандализма, неустроенности, безверия, дозирования доступа к информации, диспаратетов развития, бедности, цифрового принуждения, истощенности мира, истонченности человечности. Усиливаемых злым поветрием – разгулем, буйством вируса. С антирациональным причтом: новым видом социальной агрессии (экспорт деструкции из бедленд – январская эпопея Бельгии); свертыванием демократии, введением тоталитарного контроля (присвоение QR – отслеживание пространственного перемещения, ограничение мобильности и т.п.); ростом анархических контрпродуктивных изъятий ранее законопослушного лояльного населения гудленд (январская вашингтонская экивока, нидерландское, датское, итальянское обострение); реставрацией автократизма, авторитаризма, патернализма (под фирмой гарантий стабильности), консервацией власти.

Дистанция длиною почти в век. Проходя ее, человечество выверяло пути по бакенам: от декадана к деградансу.

Не антиципируя возможность такого исхода, традиционная рационалистическая философия все же вводила острастку в виде обуздания разума верой (Кант), здравым смыслом (Пейн). Гуссерль уповал на развертывание строго научной философии, стреножащей рационализм новым видом рационализации – трансцендентальной феноменологией.

Во-первых, паллиативно; во-вторых, вычурно. И – эфемерно.

Мы предлагаем более осмотрительный ход.

Глобализация практико-преобразующей деятельности, превращение человека в *creator mundi* заставляют пересмотреть реперы рациональности. Рациональность человека в некоем вселенском масштабе должна конституироваться отнесением не к целям, но к ценностям.

Выстраивая теорию социального действия, Вебер подчеркивал локальную релевантность случаев аффективного (со значительными оговорками), традиционного (с оговорками),

целерационального типов действия, делая изъятие для случая ценностнорационального действия. Действительно: в стандартной рутине обеспечения сермяжного жизнетока, отправления «медленных», малых трудов человек всегда действует по целям и никогда – по ценностям. Признание этого составляет костяк общепринятой философско-социологической доктрины самореализации человека.

Между тем мир вступил в стадию, подрывающую оправданность подобных рассуждений.

Серьезные изъяны мироустроительства в глобальном плане заставляют санировать принятую схему социального действия с целевой локомоцией по меньшей мере в трех важных пунктах.

Первый: напрашивается расширение субъектной проекции с человека до человечества, – глобально-тотально творит сущее не индивид, но род.

Второй: напрашивается расширение мотивной проекции с цели до ценности, – глобально-тотально творить сущее надлежит не по частным (эгоистичным) запросам, но по всеобщим и притом благим побуждениям.

Третий: напрашивается расширение динамической проекции с действия до деятельности, – глобально-тотально мирозидательной силой сущего выступает не партикулярный акт, но консолидированная активность.

Эвристичный триплекс делает предметным ядром размышлений не человека разумного, но человека ценностного. Доктрина *homo sapiens* замещается доктриной *homo aestimator* [7], – доктриной человеческого гуманитарно ориентированного, ценностно выверенного устроительного активизма.

Что же? Оттенки сливаются в один свет; *acta est fabula* (Пьеса сыграна.). Снабдим ее исполненный финал требуемым эпилогом.

(1) Содержание переживаемого кризиса – эрозия подлинности человечности, обостряющая вопрошания: какова человечность? что она сама по себе такое? В менее напряженные времена пережитого кризиса дезавуировать подобные постановки (как и попытки найти рецептуру их снятия) тщился позитивизм, объявлявший их псевдозаботами утратившей чувство меры неуправляемой мысли. Позитивизма (и в наиболее одиозной назойливой третьей модификации) давно нет. Однако есть постановки, есть пытливый мыслительный поиск, есть обслуживание интересов откликающейся на человеческие тревоги заботливой философии. Отменить философию невозможно, как невозможно отменить человечность. Борьба с философией суть противоестественная борьба с самой человечностью.

(2) *Differentia specifica* текущего кризиса – фронтальность, всепроникаемость, захватывающая как жизнь, так и рефлексивное представление жизни. Картина однако не может подаваться в духе: второстепенное следует за главным. Оба главных сводятся воедино с учетом того, что жизнь и рефлексия жизни – две стороны одной медали – рефлексивно означенного жизнестроения. Здесь – камень преткновения, средоточие угрожающе-гибельного.

(3) Разыгрывая карту сакраментальной печати Всевышнего, коей отмечена копия, традиционная философия абсолютизировала черту разумности. Разумность вознеслась на пьедестал, обрела верховодительство в выработке жизненных правил, стала регулятором человеческих самоосуществлений. Между тем разумие сапиента – бледное подобие разумия его сотворителя.

По мере разукрупнения масштабов приложения человеческих разумных возможностей обнажался их далеко не совершенный характер. Точками-абсорберами недостатков стали

обслуживающие мейнстрим разумности техноцентризм, функционализм, акционизм, инструментализм, автоматизм.

(4) Наличный кризис – кризис снобизма гиперболизированной традиционной философией человеческой рациональности (разумности) совместно с ее индустриальными, социальными, экзистенциальными гуманитарно освежаванными имплементациями. Это – кризис не одержанной победы над природой, обществом, человеком от имени зарвавшегося разума, обещающего обретение скорого беззаботного состояния «господства и владельчества». Мутная волна инфекции годичной давности окончательно отретушировала долго готовившееся изображение: оппонирующие разумности слепые темные силы есть везде, и разумообразно они не приручаются. Это потому, что главным индуктором их возникновения выступает разум.

(5) Человеческая жизнь, полнота жизнеотправлений не вмещаются в прокрустово ложе разумной повестки жизни. В противном случае – искажение существования неизбежными вывертами – имитациями функционалистского, кондиционалистского профиля. Горькое горение человечности происходит во всех гипертрофиях разумной жизнеорганизации – в повсеместной технизации, директивной регуляризации, тоталитарной унификации. С непотребной культивацией дрессуры, умалением сложности, подрывом разнообразия, блокированием инициативы.

Корень зла – всеохватная рационализация, оправдывающая ее философская апология человека как носителя разума. Такая комбинация значимостей исключает побуждение к новым формам деятельности в направлении *ad sum vitae*.

(6) Если сказанное справедливо, текущий кризис – кризис набирающего силу III тысячелетия, которое исходно заявляет себя утритированием канонов своего архетипа – разумоцентричной цивилизации, то преодоление кризиса связано с проведением серьезной корректировки философского взгляда на человека, перспективы его аутентичного прогресса.

Жизнь человеческая подчинена не разуму – жизни; последний оплот человечности – ценности жизни.

Признание этого в качестве *grius* обязывает со всей решительностью подчеркнуть не рационалистический, но аксиологический статус человека в качестве существа полноценно живущего. Отсюда противоядие натиску патогенной деструкции правильно связывать с апелляцией к защитному поясу *Wertswelt*.

Панацея – не разум, – ценности.

(7) Сказанное высвечивает магистраль нового типа спасительной ценностноориентированной философии, подвизающейся на обслуживании потребностей действующего человека как идеалоемкого, символического создания.

Применительно к разоблаченному виду дефектного миротворчества дело выглядит так.

Универсализируется роль *Wertswelt*, подчиняющего себе морфогенетические процессы. Ценности обслуживают опыт; идеалы – существующее. Стираются границы познания и преобразования сущего. Радикализируется рефлексия продуктивных актов – актов демиурга – «малого архитектора» (Лейбниц), мастера-исполнителя, ваятеля-зодчего ближайшего мира (*Umwelt*).

В результате не разум – но ценностно окормленный, идеалоосвященный разум «двигает вещество». Двигает многоканальным формотворческим усилием с характерным деонтологическим антуражем: космо-, натуро-, био-, антропофильство, где «фильство» получает операционное наполнение в реализации законов красоты [8, с. 170]. Красота – в виде деятельностного

ее выражения – необходимое условие существования человеческого [18, с. 283]. И добавим – существования природного (по причине архитектонического единства неорганического, органического, надорганического универсумов, выполняемых по типологичным законам).

(8) Атрибут богоподобности – человеческая способность творить свободно – в креативной своей части дополняется богоугодностью. Последнее – от санирования отрешенных рациональных прожектов гуманитарными наполнениями Wertswelt.

(9) Искомые детализации находятся в разворачивании аксиологии как нормативного проекта ценностноцентричной цивилизации, уточняемого учениями

- гармонизации мира – аналектика;
- финализации судеб рода в мире – каталектика.

Литература

1. Ильин В. В. *Аксиология: учебное пособие*. 2-е изд. М.: Проспект, **2020**. 192 с.
2. Ильин В. В. *История и философия науки: учебник*. 3-е изд. М.: Проспект, **2019**. 336 с.
3. Ильин В. В. *Новый миллениум для России: путь в будущее*. М.: изд-во МГУ, **2001**. 224 с.
4. Ильин В. В. *Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания*. М.: Проспект, **2017**. 184 с.
5. Ильин В. В. *Теория познания. Гносеология: учебник*. М.: Проспект, **2018**. 496 с.
6. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировой век*. М.: Проспект, **2020**. 160 с.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2017**. 272 с.
8. Ильин В. В. *Теория познания. Эвристика. Креатология*. М.: Проспект, **2018**. 176 с.
9. Ильин В. В. Философское сегодня. Ч. I. Splendida vitia // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №2. С. 81–103.
10. Ильин В. В. Философское сегодня. Ч. II. Lux benigna // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №3. С. 151–164.
11. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №4. С. 211–223.
12. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. II. Аппретура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №5. С. 277–296.
13. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабова Э. В. *Иная ментальность*. М.: Гнозис, **2005**. 352 с.
14. Карпицкий Н. Н. Опыт тела и его судьба в истории культуры // *Человек. RU*. **2007**. №3. С. 131–163.
15. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Природоподобные технологии – новые возможности и новые уровни // *Индекс безопасности*. **2016**. Т. 22. №3–4. С. 455–465.
16. Монтень М. *Опыты. Избранные произведения*. В 2 т. М.: Голос, **1992**. Т. 2. 560 с.
17. Тиллих П. *Избранное*. М.: Юрист, **1995**. 479 с.
18. Шиллер И. Ф. *Собрание сочинений*. В 7 т. М.: Гослитиздат, **1957**. Т. 6. 792 с.

Поступила в редакцию 27.01.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.1.1

The Philosophy of Crisis: the self-consciousness of humanity in the era of catastrophic changes

© V. V. Ilyin

National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Akademik Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.

Email: vvilin@yandex.ru

The catastrophe experienced by humanity is regarded as a pervasive tragic phenomenon caused by the mutual intensification of the general social and philosophical crises. The content of the first is the failure of technocentric technologies; the content of the second is the collapse of rationocentric apologies of life-organization. The current situation entails a revision of the doctrine of the position of man in the world, which is exploited by philosophy. A project of a new type of value-oriented universal metaphysics is proposed, through the universalization of the role of Wertswelt, which subordinates the morphogenetic processes being implemented. The operational content of the project is the coordination of activities with the constructive principles of creating inorganic, organic, and supra-organic universes according to the typological laws of beauty.

Keywords: crisis, rationality, homo aestimator, Wertswelt.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. The Philosophy of Crisis: the self-consciousness of humanity in the era of catastrophic changes // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.

References

1. Il'in V. V. *Aksiologiya: uchebnoe posobie [Axiology: textbook]*. 2 ed. Moscow: Prospekt, 2020.
2. Il'in V. V. *Istoriya i filosofiya nauki: uchebnik [History and philosophy of science: textbook]*. 3 ed. Moscow: Prospekt, 2019.
3. Il'in V. V. *Novyi millenium dlya Rossii: put' v budushchee [New millennium for Russia: a path to the future]*. Moscow: izd-vo MGU, 2001.
4. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya [Theory of knowledge. Hermeneutic methodology. Architecture of understanding]*. Moscow: Prospekt, 2017.
5. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Gnoseologiya: uchebnik [Theory of knowledge. Epistemology: textbook]*. Moscow: Prospekt, 2018.
6. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa Miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
7. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolutov. V poiskakh causa finalis [Theory of knowledge. Philosophy as a justification for absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow: Prospekt, 2017.
8. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya [Theory of knowledge. Heuristics. Creatology]*. Moscow: Prospekt, 2018.
9. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 81–103.
10. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 151–164.
11. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 277–296.
13. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ya. V., Grabova E. V. *Inaya mental'nost' [Different mentality]*. Moscow: Gnozis, 2005.
14. Karpitskii N. N. *Chelovek. RU*. 2007. No. 3. Pp. 131–163.
15. Koval'chuk M. V., Naraikin O. S., Yatsishina E. B. *Indeks bezopasnosti*. 2016. Vol. 22. No. 3–4. Pp. 455–465.
16. Montaigne M. *Opyty. Izbrannye proizvedeniya [Essays. Selected works]*. V 2 t. Moscow: Golos, 1992. Vol. 2.
17. Tillich P. *Izbrannoe [Selected works]*. Moscow: Yurist, 1995.
18. Schiller J. F. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. V 7 t. Moscow: Goslitizdat, 1957. Vol. 6.

Received 27.01.2021.